

Так или иначе, помощников Дин Тянь себе набрал.

На всё про всё он отвёл ровно месяц. Третьему дяде, как старшему артельщику да и просто близкому родственнику, Дин Тянь положил пять лянов серебра — плата по местным меркам весьма щедрая.

Брату Каню причиталось четыре ляна, а двум его сыновьям, шедшим в качестве подмастерьев, — по одному лян на брата.

Хромому Дину, как искусному плотнику, тоже назначили четыре ляна, но с небольшой надбавкой: за износ собственного инструмента Дин Тянь пообещал накинуть ему сверху ещё пятьдесят медных монет.

Кормили и селили работников за казённый счёт, так что всю плату они получали чистыми на руки. Третий дядя поначалу вообще упирался, не желая брать с племянника ни гроша — мол, пришёл помочь родному человеку, и всё тут. Однако у Дин Тяня на этот счёт заранее был готов безотказный довод:

— Так ведь деньги-то казённые, дядя! Из самой управы выделены. Зачем же добру пропадать? Бери, раз дают!

— Вот оно как?.. — усомнился было Третий дядя, но в итоге всё же сдался: — Ну, раз так, то возьму.

Доверчивый у него всё-таки дядька, простой как три копейки. Впрочем, Дин Тянь и не кривил душой — парень он был честный, врать не любил, да и деньги эти действительно шли по ведомству управы.

Для Третьего дяди главным было не обременять племянника лишними расходами. И всё же сама затея вызывала у него немало вопросов.

— Да сдался тебе этот кан в тюрьме? — ворчал старик, искренне не понимая, к чему такие хлопоты. — Набросал соломы погуще — и дело с концом.

Третий дядя к задумке племянника относился со скептицизмом. По его глубокому убеждению, за решёткой сидели одни лишь душегубы да разбойники. С какой стати баловать их таким уютом?

— И то верно! — поддакнули остальные. Тратить силы на обустройство казематов им тоже казалось делом напрасным.

— Я ведь в своё время твоему дедушке сюда передачи носил, навидался всякого, — со знанием дела продолжал Третий дядя. — Обычные камеры — там отродясь никаких канов не бывало.

Гнилая солома на полу, а если кому повезёт, так разве что циновку соломенную кинут.

— Эх, дядя... — Дин Тянь лишь головой покачал от такого упрямства. — В наших-то краях да без печи-кана зимой околеть можно! Никакая солома от трескучих морозов не спасёт, сколько её ни стели.

А ведь это был Северо-Восток! Никакого глобального потепления здесь и в помине не было. Дин Тянь очутился тут, когда праздник Лунтайтоу уже миновал, а на улицу всё равно приходилось выходить в тяжелом ватном халате, стёганных штанах и толстенных сапогах на меху. Что уж говорить про лютые зимние морозы! В такую пору мало просто лежать на печи-кане — её приходится топить по три-четыре раза на дню, чтобы не выстудило. Оставь людей на голом полу — и к утру выноси готовые трупы.

— Оно-то так... — Третий дядя почесал затылок, обошёл камеру кругом, прикидывая что-то в уме. — Но ведь внутри лихие люди сидеть будут, не пускать же тебя к ним каждый раз печь растапливать. Давай-ка я выведу топочное устье наружу, в коридор. Так и топить сподручнее, и к колодникам соваться лишний раз не принято.

— Отличная мысль, дядя, давай так и сделаем, — согласился Дин Тянь, а после, немного поразмыслив, добавил: — Только на топочные дверцы нужно будет заслонки поставить, чтобы тепло наружу не выдувало.

Тут надо отдать должное опыту Третьего дяди — он продумал всё куда лучше городского племянника. Мало того что заслонки приладил, так ещё и над проёмами вбил деревянные колышки.

— Зимой сюда плотную циновку из сухой осоки вешать будешь. Особого тепла она, положим, не даст, зато от сквозняков убережёт надёжно, — напутствовал он.

— Здорово придумано! — искренне восхитился Дин Тянь, полностью доверившись мастерству старшего родственника.

Устройство уездной тюрьмы было простым, но строгим. Сразу за парадной ширмой-инпи открывался вид на общие казематы. По обе стороны от них располагались караулки — дежурные помещения для тюремных стражников. Камеры тянулись двумя длинными рядами, по двенадцать в каждом. Миновав их, посетитель упирался в массивные ворота, за которыми начиналась внутренняя тюрьма.

Внутренний двор представлял собой П-образную усадьбу-саньхэюань, а вовсе не классический замкнутый четырёхугольник-сихэюань, как смутно помнилось прежнему владельцу этого тела. В главном здании по центру находился зал суда, а в боковых пристройках размещались пыточная комната на востоке и... гостевые покои на западе. Дин Тянь только головой качал,

недоумевая, какому безумцу пришло в голову обустраивать в тюрьме комнаты для гостей.

Вдоль восточной стены тянулись пять камер для особо опасных преступников, вдоль западной — столько же одиночек для смертников. На вид помещения казались неказистыми, но строили их на совесть: стены выложили из тяжелых гранитных глыб, а полы замостили гладкими каменными плитами, чтобы исключить любую возможность подкопа. Впрочем, Дин Тянь сильно сомневался, что в их глухом уезде когда-нибудь объявятся злодеи столь крупного калибра, ради которых стоило бы городить такой огород.

За усадьбой, заслонённый живой изгородью из приземистых диких абрикосов, стоял длинный флигель — женское отделение. Всего пять комнат. Центральную занимала тюремная стражница: просторная прихожая вела в небольшую спальню за ширмой. По бокам от её каморки располагались камеры для арестанток. Ни пыточных, ни тем более гостевых комнат здесь, разумеется, не держали.

Поскольку женское крыло стояло наособицу, работы решили начать именно отсюда. Камеры здесь были крошечными, поэтому и каны требовались небольшие — размером с обычную двухспальную кровать. У брата Каня дело спорилось на зависть: за день он успевал сложить целых две печи — одну до полудня, другую после.

И лишь там, где требовалось обустроить просторные лежанки на три-четыре человека, он тратил на работу целый день. На остальные же уходило не больше нескольких часов.

— Эх, до чего же на казённых харчах работать любо-дорого! — не переставал радоваться брат Кань.

Ещё бы не радоваться: кормят досыта, работа спорится без лишнего надрыва, а заработанная монета ложится прямым в карман — ни копейки тратить не приходится. На те деньги, что они заработают за этот месяц втроём с сыновьями, их семья сможет безбедно прожить всю весну и лето.

В крестьянских домах печи-каны всегда возводили огромными, ведь на них спали всем семейством, от мала до велика. В тюремных же камерах редко когда теснилось больше пяти человек. А учитывая, что уезд Бычьего Рога славился тишиной и безмятежностью, колодников здесь бывало наперечёт, так что арестанты чаще всего томились в одиночестве, пользуясь благами «отдельных покоев».

— Раз легко, так делай на совесть, не филонь, — добродушно усмехнулся Третий дядя. — Ты только кирпичи укладывать успевай, а я следом за тобой буду огонь разводить. Как следует прогреем каны, просушим от сырости — и можно приниматься за побелку стен.